МЕМУАРЫ

© 1993 г., ЭО, № 3

В. П. Алексеев

ОБЩЕНИЕ

Я прошу принять эти страницы как посвящение всем, кому дорога память о Михаиле Михайловиче Герасимове и окружавших его коллегах.

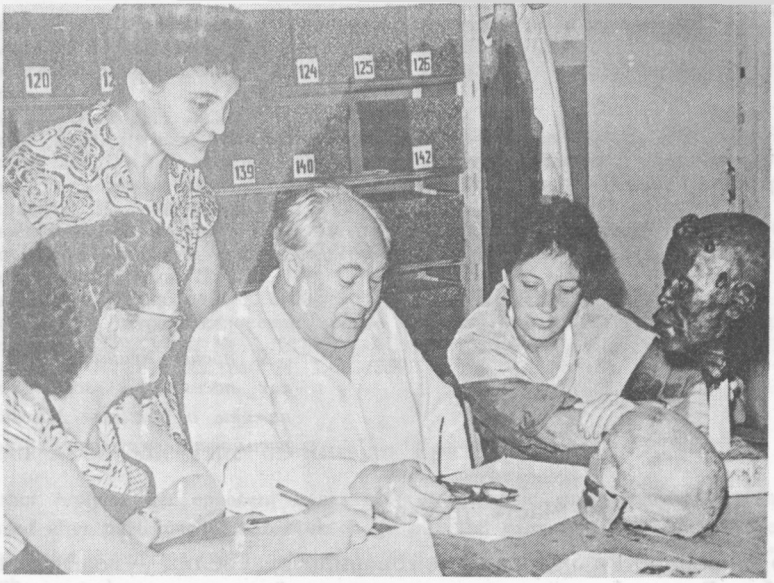
Часть третья *

Сектор антропологии был, как уже говорилось, невелик — возглавлявший его Левин, Дебец, Бунак, факультативно посещавший его студент (а затем аспирант) Алексеев, два технических сотрудника и Татьяна Алексеевна Трофимова, уже упоминавшаяся как супруга Толстова. Трофимова, как и Левин, поздно защитила докторскую диссертацию, до 50 с лишним лет была кандидатом наук, но пользовалась большим и заслуженным авторитетом, особенно как палеоантрополог. В изучение антропологии современного населения она внесла ценную лепту своей книгой о татарах Поволжья, а как палеоантрополог много работала над проблемами палеоантропологии славянского населения эпохи средневековья. В этой области ей не удалось подготовить обобщающего труда, но и многие ее выводы, сформулированные в частных публикациях, получили полное подтверждение в ходе дальнейших исследований. Отсутствие обобщающего труда имело вполне уважительную причину — в начале 50-х годов Трофимова переключилась на обработку краниологических и остеологических коллекций из раскопок Хорезмской экспедиции, материал был плохой сохранности, для обработки трудный, новый, требовал большого внимания, «потянул» интересы в сторону среднеазиатской проблематики, которой в последующие годы Трофимова посвящает ряд капитальных исследований.

Круг московских антропологов был достаточно узким, но не исчерпывался только сотрудниками Института этнографии. Был еще Институт антропологии при МГУ, была кафедра антропологии на Биолого-почвенном факультете МГУ. И в Институте антропологии, и на кафедре было много крупных интересных людей, но, памятуя об основной цели этих страниц — дать более или менее ясное представление о научном окружении Михаила Михайловича Герасимова, следует сказать лишь о нескольких. Директором Института антропологии был Марк Соломонович Плисецкий. Сам он не занимался исследованиями в области антропологии, но был прекрасным администратором и очень добрым (хотя горячим и вспыльчивым) человеком, сделавшим немало хорошего и возглавлявшемуся им институту и его сотрудникам. Он много сил и труда положил на развитие антропологических исследований в Московском университете, добился незадолго перед своей кончиной в 1957 г. возобновления издания антропологического журнала в МГУ, написал несколько популярных брошюр о происхождении человека.

Михаил Антонович Гремяцкий, многолетний руководитель кафедры антропологии, заслуживает более подробной характеристики и по своему творческому потенциалу, и по своим личностным качествам. Его жизненный путь достаточно

* Части первую и вторую см.: Этнографическое обозрение. 1993. № 1 и 2.

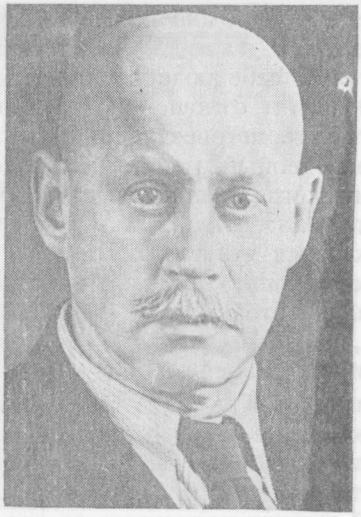


В лаборатории; в центре — М. М. Герасимов; слева направо: А. А. Гончарова, Р. Я. Денисова, Г. В. Лебединская (справа — реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Манжуклыдепе). 1962 г.

сложен и не укладывается в однолинейную схему. Начав его учителем Пятигорской гимназии, он заинтересовался антропологическими исследованиями в связи с находкой в 20-х годах на близкой к Пятигорску железнодорожной станции Подкумок костей ископаемого человека, которым тогда приписывалась большая древность, и посвятил описанию подкумского человека несколько тщательно выполненных сравнительно-морфологических публикаций. Переехав в Москву и начав работать на Биолого-почвенном факультете, он много занимался общими проблемами антропогенеза и интенсивной издательско-популяризаторской деятельностью. Брошюры и небольшие книги о выдающихся ученых в истории биологической мысли, по сравнительной анатомии, об отдельных группах животных, о происхождении домашних животных, по основным проблемам эволюционного учения, а также участие в редактировании и издании трехтомника Брэма «Жизнь животных», из-за удачного текста и оригинальных иллюстраций пользующегося спросом до сих пор (так называемый синий Брэм — он вышел в обложке синего цвета) — вот итоги этой деятельности.

Как университетский профессор, Гремяцкий много лет вел два огромных курса — по антропогенезу, в который включался и подробный обзор всех приматов, как ныне живущих, так и ископаемых, и по анатомии человека. Первый курс, к сожалению, не был напечатан — Гремяцкий периодически публиковал лишь отдельные небольшие статьи, посвященные частным таксономическим вопросам и поражающие тщательностью проработки деталей. Курс, по воспоминаниям, был очень обстоятельным и превосходно читался — Гремяцкий был одним из лучших лекторов в университете, читал просто, свободно, доходчиво, необычайно логично, пронизывая все изложение единой мыслью и никогда не забывая о трудностях перехода от многочисленных фактов к немногим руководящим идеям. Поэтому Михаила Антоновича студенты и аспиранты любили, хотя и трепетали перед ним — остер на язык он был редкостно, шутил часто обидно и высмеивал беспощадно любые формы разгильдяйства. Администратором он был также прекрасным, и кафедра при нем работала четко и бесперебойно. Все это снискало ему непререкаемый авторитет на факультете, и долгие годы он возглавлял факультетскую комиссию по приему государственных экзаменов.

М. С. Плисецкий



М. А. Гремяцкий

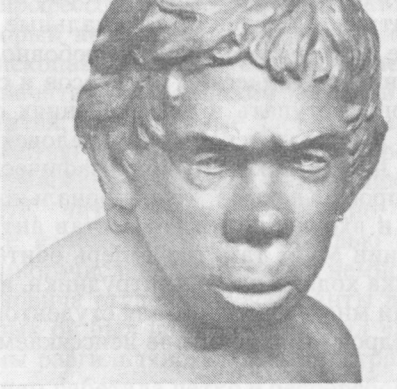
Что касается курса по анатомии человека, то он заслуживает особого упоминания. Мы никогда не слышали, чтобы Гремяцкий занимался препаровкой трупов в анатомическом театре или делал анатомические препараты, хотя без этого невозможно, по общему мнению, хорошее знание анатомии. Но курс его стал легендой по богатству анатомических деталей и широте их сравнительно-эволюционного освещения. Итогом этого курса явился «Учебник анатомии», изданный в 1950 г. Лучшие анатомы Советского Союза — Натишвили, Долго-Сабуров, Гинзбург, Быстров оценили эту книгу как открытие: на русском языке не появлялось работы, которая давала бы столь логически безупречное и последовательное эволюционно-генеалогическое освещение генетических структур. Книга была издана довольно серо, на плохой бумаге, без достаточно выразительных рисунков, никогда не переиздавалась, но она и сейчас, через 30 с лишним лет, остается уникальным примером замечательной подачи анатомического материала. Гремяцкий получил за нее Сталинскую премию.

Вел он еще два факультативных спецкурса (для антропологов обязательных), свидетельствующих о широте его интересов и глубине знаний,— спецкурс по латинскому языку, в числе первых знатоков которого он тогда назывался в Москве, и спецкурс по творчеству Мечникова, которое он любил и знал. И в том, и в другом случае на занятиях читались и оригинальные тексты, и студенческие рефераты, Гремяцкий все это обстоятельно и любовно комментировал, обнаруживая хорошее понимание студенческих интересов и считаясь с ограниченностью их знаний. Любил он выступать и на заседаниях студенческого научного кружка, сообщая о новых находках ископаемого человека, делясь своей богатой информацией по истории науки, наконец, монографически освещая какой-либо актуальный научный вопрос. Кафедра территориально не была отделена от Института антропологии и входившего в его состав антропологического музея, помещалась в старом здании МГУ, там, где теперь обитают психологи; на заседания студенческого кружка ходили часто и сотрудники, из докладов и сообщений Гремяцкого и они узнавали много нового. А для студентов и аспирантов общение с таким заведующим кафедрой было поистине неиссякаемым источником культуры и знаний.

Вторым профессором кафедры антропологии был Яков Яковлевич Рогинский, после смерти Гремяцкого в 1963 г. занявший место заведующего кафедрой и руководивший ею до конца 70-х годов. Они были хорошими кафедральными

партнерами, взаимно дополняя друг друга и как профессора, которые читали разные курсы, и как коллеги по исследовательской работе. В то же время трудно представить себе людей, более разных и по стилю исследовательского почерка, и в личностном отношении, хотя интересы обоих лежали преимущественно в области антропогенеза. Гремяцкий — служитель бога факта, поклонявшийся ему, непревзойденный мастер морфологического описания. Может быть, именно поэтому, когда решено было издать монографию о знаменитой тешик-ташской находке неандертальского мальчика в Средней Азии и Дебец, впервые описавший ее, отказался участвовать в этом, объяснив, что ему нечего добавить к своим предшествующим публикациям, выбор пал на Гремяцкого, и он блестяще справился с этой задачей. Монография о тешик-ташской находке вышла в свет в 1949 г., и основные авторы, в том числе и Гремяцкий, были удостоены Сталинской премии. Для нашей темы важно, что именно здесь особенно близко сошлись пути Герасимова и Гремяцкого — Михаил Михайлович создал ма́стерскую реконструкцию черепа тешик-ташского неандертальца из десятков кусков, а Гремяцкий составил скрупулезное и образцовое по точности описание ее. Сотрудники Института антропологии говорили, что, когда реконструкция была готова, Гремяцкий пришел посмотреть ее, взял в руки и уронил. Она разбилась вдребезги, и Герасимов воссоздал череп вновь буквально из молекул. Я спросил Михаила Михайловича об этом — он не подтвердил этого рассказа, но и не опроверг его.

Рогинский, в отличие от Гремяцкого, почти не работал над введением в науку новых эмпирических фактов, отдельные конкретные исследования составляют ничтожное меньшинство в его научном наследии. Все творчество Рогинского отличает высокий строй теоретического мышления, что в области антропогенеза порождало интересные гипотезы общебиологического значения, мало поддающиеся фактической проверке, но позволяющие переходить от собственно антропологических эмпирических наблюдений к философским вопросам о числе и характере скачков в процессе антропогенеза, роли естественного отбора на разных этапах эволюции человека, числе центров появления человека современного вида и т. д. Последний вопрос вызвал особенно острую дискуссию и на многие годы привлек внимание Рогинского, выступавшего все с новыми и новыми статьями в защиту своей точки зрения. Вне зависимости от того, справедлива его точка зрения о географическом единстве территории, в пределах которой произошел современный человек, или нет — и все эти статьи, и две его книги, и написанный им совместно с Левиным учебник антропологии, выдержавший три издания, сос-



Мальчик-неандерталец из Тешик-Таша (реконструкция М. М. Герасимова; 1940-е годы)

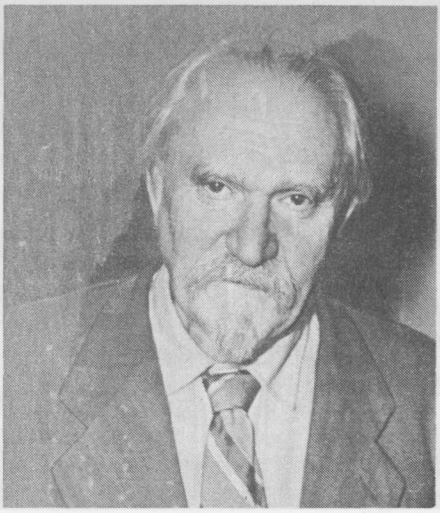
Я. Я. Рогинский и В. П. Якимов в МГУ

тавляют своего рода философский комментарий к совокупности эмпирических фактов, уже известных нам в области антропогенеза, комментарий далеко не бесспорный, но пока незаменимый.

Москва Москвою, а оставались еще ленинградские антропологи, с которыми судьба сталкивала Герасимова также не один раз, тем более что он до этого много лет прожил в Ленинграде. Ленинградская часть Института этнографии только юридически имела московское подчинение, на самом же деле благодаря существованию знаменитой Кунсткамеры и Музея антропологии и этнографии АН СССР она была гораздо более мощным учреждением, чем московская часть, имела прекрасное помещение и библиотеку, отличалась сложной административной структурой и фактически во многом была самостоятельной. Был в Ленинграде и сектор антропологии, не уступавший московскому ни по числу, ни, главное, по профессионализму сотрудников. Что же касается помещения, коллекций, измерительной техники и разнообразной аппаратуры, позволявшей вести экспериментальные исследования, то в этом, можно сказать определенно, ленинградцы во много раз превосходили москвичей.

Любопытно, что из трех крупных работников, объединивших свои исследовательские усилия в секторе, двое по своему происхождению, по своей предшествующей научной деятельности были москвичи. Возглавлял сектор Всеволод Петрович Якимов, тогда кандидат наук, по образованию зоолог, окончивший Московский университет, ученик профессора Матвеева, под влиянием его творческого импульса начавший исследования в области сравнительной анатомии приматов и опубликовавший несколько интересных работ. К сожалению, война прервала эти исследования, и позже Якимов уже не возвращался к ним, сосредоточив свои усилия на изучении ранних стадий антропогенеза и краниологии древнего населения СССР. Тем не менее эти ранние его публикации сохраняют научное значение до сих пор.

Другим москвичом по происхождению, основному месту жительства и работы был профессор Виктор Валерианович Бунак, по сути дела переехавший в Ленинград лишь на короткий срок. Еще свежи были воспоминания об августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.), после которой Бунак, многолетний сотрудник Московского университета, директор Института антропологии, много занимавшийся генетикой человека, вынужден был уйти. Толстов принял его в Институт этнографии, но для этого потребовалось, чтобы Бунак выступил с покаянным письмом. Письмо было опубликовано на страницах журнала «Совет-



В. В. Бунак

ская этнография», с 1930 г. издававшегося институтом, в нем Бунак отказывался от многих своих сокровенных взглядов; письмо сразу же было перепечатано в центральном французском антропологическом журнале «L'anthropologie». Бунаку было тяжело продолжать работать в Москве, и он переехал в Ленинград, тем более что это, к счастью, совпало с новым этапом в его научной деятельности: не оставляя других занятий, основное место среди которых принадлежало морфологии человека, он согласился по просьбе вдовы покойного антрополога и археолога Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского довести до конца и подготовить к печати его незаконченное исследование костей стопы киик-кобинского неандертальца, открытого в Крыму. Кости хранились в Ленинграде. Бунак блестяще выполнил эту работу, написал к рукописи Бонч-Осмоловского замечательно интересный комментарий и вводный очерк с описанием жизнедеятельности и творческих исканий Бонч-Осмоловского и добился ее издания в кратчайший срок. Когда книга вышла из печати (1954 г.), он вернулся в Москву, тем более что чувствовал себя в Ленинграде плохо и так и не смог привыкнуть к ленинградской сырости, несколько раз переносил приступы астмы.

Бунак был внешне менее яркой, но по сути своей не менее, если не более колоритной личностью, чем Дебец. На вид это был типичный старый профессор, как раз такой, каким я воображал Дебеца, еще ни разу не встретившись с ним. Очень мешала Бунаку манера выражать свои мысли — нарочито усложненная, с большим количеством отступлений, недостаточно пронизанная единой идеей. Портит эта манера и его статьи, смысл которых местами остается недостаточно ясным. В отличие от Левина, он, выступая перед большой аудиторией, не умел совладать со своим волнением, часто путался и перебивал себя, что тоже производило не очень благоприятное впечатление. Зато при разговоре на любую научную тему собеседник сразу чувствовал, что судьба столкнула его с неповторимым человеком. Виктор Валерианович помимо обычного для любого крупного деятеля науки богатства знаний обладал исключительной, почти безошибочной интуицией, редким даром научного предвидения, и поэтому любая беседа с ним оставляла неизгладимое впечатление: умение посмотреть на предмет с неожиданной стороны, парадоксальность суждений сначала поражали, но после обдумывания за ними открывалась оправданная нетривиальность подхода и выявлялись контуры истины там, где и не предполагалось ее искать.

Преданность делу и работоспособность Виктора Валериановича были фантастические, я бы сказал, абсолютные, он работал всю жизнь, не останавливаясь буквально ни на минуту, сделал феноменально много и, что особенно привлекательно,— в разных областях антропологии и смежных дисциплин. Его неу-

томимость, энергия и любознательность превосходили всякое понимание и давно вошли у антропологов в поговорку, но мало кто из антропологов знает, например, что у Бунака есть самостоятельное исследование, посвященное пяточной кости лошади и содержащее удачное функциональное истолкование гистологических структур. Причина появления такой статьи, написанной антропологом,— эвакуация Бунака во время войны в Пермь и работа его в Пермском сельскохозяйственном институте на кафедре гистологии. Вряд ли любой другой антрополог, понимая временность такой работы, стал бы вникать в чужую ему специальность и, тем более, стремиться овладеть в ней самостоятельными навыками. Но для Бунака это было обычным делом: он просто не мог оставаться в стороне, если какая-либо научная проблема разрабатывалась в его присутствии.

Более всего Бунак был морфолог, с морфологией человека и сравнительной морфологией связаны его основные исследования. Их очень много, и они велики по объему, содержат колоссальный фактический материал и поэтому на долгие годы сохранят свое значение. Практически все узловые проблемы морфологии человека нашли отражение в этих исследованиях — здесь и учение о физическом развитии, и конституциональная типология, и динамика пропорций тела, и характеристика отклоняющихся от нормы болезненных конституциональных вариантов, и разнообразные вопросы изучения отдельных признаков, того, что в антропологии, в первую очередь в работах самого Бунака, получило наименование морфологии. Ему был присущ резко выраженный эволюционный подход к явлению, и поэтому любая из перечисленных тем получала генетическое истолкование и находила место в цельной картине эволюционной биологии человека. Однако Бунак не ограничивался только частными исследованиями, как бы они ни были важны и полноценны по фактическому материалу, и в 1941 г. для коллективного учебника антропологии он создал общий очерк морфологии человека, довольно трудный по характеру изложения, но остающийся до сих пор наиболее содержательным, полным обзором морфологии человека на русском языке.

Методические вопросы в антропологии занимают, наверное, большее место, чем в любой другой науке. Прежде всего это объясняется несовершенством самой измерительной техники, над которой бьются свыше 100 лет и которая и теперь, в эпоху атома, космического телевидения и лазера, остается крайне примитивной. Сначала внимание уделялось тому, *что́* фиксировать измерением, какие размеры на теле и лице брать и зачем. Теперь мы более или менее прилично знаем, *что́* фиксировать, но проблема — *как* фиксировать — и сейчас стоит во весь рост. Все попытки уточнять отдельные измерения, использовать для этого более совершенные приборы, специально учить измерителей ни к чему не привели — разные люди в силу самой своей психофизиологической природы измеряют по-разному: один надавливает на мягкие ткани сильнее, другой — слабее. В итоге — расхождения, которые мешают сравнивать результаты, полученные разными исследователями. А сравнивать нужно — процедура сравнения разных групп людей и установления объективных морфологических различий между ними является ключевой в антропологии, она предшествует установлению расовых классификаций, реконструкции генеалогических отношений между расами и т. д.

Я говорю обо всем этом потому, что Бунак был блестящим методистом и, отчетливо понимая центральное место методических проблем в построении объективного содержания антропологической науки, уделял им исключительное внимание. Никто другой за последние 60 лет не внес в методику антропологии столько усовершенствований и никто не приложил столько усилий для определения пути дальнейших поисков. Если антропологическая наука и достигла чего-то в отношении унификации измерений по сравнению с прошлым столетием, то этим мы во многом обязаны Бунаку, его рекомендациям, его методическим разработкам. Аккумулирующая громадный морфологический опыт его «Методика антропологических исследований», изданная в 1940 г., уникальна по полноте, до сих пор не может быть ничем заменена и является настольной книгой любого антро-

В. В. Бунак в экспедиции. Конец 1940-х годов

полога и врача, соприкасающегося с необходимостью измерять человеческое тело.

Как ни велик и разносторонен был, однако, вклад Бунака в изучение морфологии человека, он находил, как уже говорилось, время и для других научных изысканий, в частности разрабатывал проблематику, которая была основной в Институте этнографии,— исследование расового состава различных областей Советского Союза. Он много работал над расовой типологией современных восточнославянских народов, реализуя данные, как собранные еще в довоенное время, так и полученные в организованных им новых экспедиционных поездках. Не забывал он и Кавказ — свою давнюю любовь (его книга по антропологии армян вышла еще в 1927 г.) и в конце 40-х годов провел три летних сезона в Осетии, бродя по осетинским ущельям и собирая черепа из склепов в горной Осетии. Сохранилась фотография — Бунак, уже далеко не молодой человек, со связками костей в обеих руках и местный житель, обвешанный черепами, на горной дороге.

Перечисляя разнообразные исследования Бунака, я далек от мысли, что сумел дать сколько-нибудь полное представление даже о главнейших из них, да это здесь и не нужно. Цель была иной — показать, какую крупную научную силу являл собой Бунак, как широко он понимал границы науки о человеке, как интенсивно работал, и как ничто, никакие житейские обстоятельства и трудности не могли его свернуть с раз избранного пути. Дворянское происхождение и собственная личностная ориентация, известная угловатость и резкость, требовательность к работавшим вместе с ним людям, иногда казавшаяся беспощадной, приводили к тому, что Бунака любили далеко не все, но уважали все безмерно. Как-то в более поздние годы он, рассказывая мне об Анучине, сказал, что Анучина многие профессора Московского университета не любили, и был он «костистой рыбкой». Сам Виктор Валерианович был «рыбкой» вряд ли менее «костистой», но это как-то терялось рядом с его титанической работой, безграничным энтузиазмом и волей к науке. Я употребил это выражение аналогично тому, как употребляется выражение «воля к жизни» — ничто не могло отвлечь Бунака от научного творчества и повседневной, продолжавшейся всю жизнь работы. И еще некоторые обстоятельства сообщали его личности непреходящий ореол — он стал директором Института антропологии после *самого* Анучина, он преодолевал разруху, оставшуюся после мировой и гражданской войн, был на 10—15 лет старше осталь-

ных антропологов, и все они за малым исключением были его кафедральными и институтскими учениками (Левин, например,— студентом, Дебец и Трофимова — аспирантами).

Подлинным ленинградцем из ленинградских антропологов был профессор Вульф Вениаминович Гинзбург, который стал заведовать сектором антропологии в ленинградской части института после отъезда Якимова в Москву. Военврач по образованию, военный в чине полковника, заместитель заведующего кафедрой анатомии Военно-медицинской академии, Гинзбург вел большую и серьезную анатомическую работу, защитил докторскую диссертацию об оттоке лимфы от вен нижней конечности, читал анатомические курсы и постоянно публиковал анатомические работы. Он то числился сотрудником института «на полставки», то не числился, в зависимости от господствовавшей в те или иные годы системы финансовых ограничений, но это было лишь внешней стороной дела. Фактически же он был глубоко предан антропологии, проводил в секторе все свое свободное время, обрабатывая палеоантропологические коллекции с территории Средней Азии, справедливо считался всеми коллегами выдающимся знатоком среднеазиатской палеоантропологии и воспринимался антропологами — и ленинградскими и московскими — не как анатом или военный, вообще не как представитель другой специальности, а как антрополог, «свой» по работе и интересам. Характер у Вульфа Вениаминовича был отменный: он всегда был спокоен, доброжелателен, гостеприимен, любил посмеяться — и это делало общение с ним легким и приятным.

(Продолжение следует)

Talks (part 3)

Our journal is published in 1993 the manuscript of V. P. Alekseev "Talks". This memoir tells about an outstanding specialist in anthropology and archaeology Mikhail Mikhailovich Gerasimov, who is well-known as a creator of the method of face reconstruction on the base of skull, author's contacts with him and his colleaques, also striking scholars.

The third part of the manuscript is published in the present issue.